

ОТЗЫВ

официального оппонента
на рукопись диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук
Колосова Владимира Павловича
«Мирмекий IV – I вв. до н. э.: стратиграфия, хронология и периодизация»
Специальность 5.6.3. Археология

Представленная диссертация посвящена стратиграфии, хронологии и периодизации Мирмекия IV–I вв. до н.э. Актуальность исследования определяется необходимостью пересмотра сложившихся представлений об основных этапах развития городища, основанных преимущественно на материалах раскопок середины XX в. Новые археологические данные обнаруживают существенные расхождения с принятой ранее хронологической схемой. Накопленные за длительный период разрозненные данные требуют систематизации с учётом истории археологических работ, применявшихся методов фиксации и степени сохранности полевой документации. Необходим также пересмотр датировок, основанных на устаревших типологических разработках. Поэтому предпринятые автором обобщение и критический анализ материалов представляются своевременными и значимыми для уточнения истории Мирмекия и античного Боспора в целом.

Особую важность приобретает сопоставление результатов раскопок разных лет, поскольку различия в способах фиксации и интерпретации могли влиять на принятые датировки. Обращение к первичной документации и повторный анализ комплексов позволяют не только проверить отдельные хронологические построения, но и оценить степень их обоснованности. Поэтому избранная тема имеет как конкретно-историческое, так и существенное источниковедческое значение.

Введение соответствует теме и структуре диссертации: в нём сформулированы цель и задачи, определены объект, предмет и рамки работы, охарактеризованы источники и методы. К достоинствам исследования относятся широкая источниковая база и введение в научный оборот неопубликованных данных раскопок 1938–1966 гг. Значимы также унификация высотных отметок и номенклатуры объектов разных лет и публикация исходных данных в приложениях. Сочетание стратиграфического и типологического анализа, статистических методов и 3D-моделирования в целом отвечает поставленным задачам.

Положительной оценки заслуживает стремление автора рассматривать материалы различных сезонов как единый исследовательский комплекс. Это делает возможным сопоставление сведений, которые прежде вводились в научный оборот отдельно и не всегда имели общую пространственную и хронологическую привязку. Существенно и то, что автор учитывает неодинаковую сохранность документации и ограничения, обусловленные состоянием источниковой базы.

Вместе с тем объект исследования определён чрезмерно широко как «история города Мирмекий», тогда как работа фактически посвящена археологической периодизации, застройке и культурным напластованиям IV–I вв. до н. э. Хронологические границы следовало бы обосновать независимо от пересматриваемой схемы разрушений. Описание статистических процедур и 3D-моделирования нуждается в конкретизации: необходимо указать единицы подсчёта, способы учёта переотложенных материалов, точность совмещения планов и критерии проверки модели. Спорен и отказ от изображений и точной эпиграфической передачи амфорных клейм. Формулировки о «первом комплексном анализе», «всём доступном корпусе» и «объективно верифицируемой хронологии» излишне категоричны при фрагментарности источниковой базы.

Следует также яснее определить соотношение между заявленными методами и конкретными исследовательскими операциями. Это позволило бы понять, какие выводы основаны на стратиграфических наблюдениях, какие получены в результате типологического анализа, а какие стали итогом статистической обработки и пространственного моделирования. Такое уточнение не изменило бы концепцию работы, но сделало бы её методику более прозрачной и доступной для проверки. Вместе с тем отмечу, что эти замечания не снижают общей положительной оценки введения.

Первая глава «Критический обзор историографии и археологических источников» занимает важное место в структуре диссертации: в ней реконструируется формирование принятой в литературе хронологической схемы участка И. Продуктивен сам подход, при котором историография рассматривается как последовательность исследовательских решений, зависевших от состава доступных материалов, методики раскопок и характера публикации результатов. Такое построение главы позволяет оценить не только заключения предшествующих исследователей, но и путь, которым они были получены. Это принципиально важно поскольку, например, одна и та же находка имеет различное хронологическое значение в зависимости от того, связана ли она со строительством, использованием, разрушением либо последующим заполнением постройки. Автор последовательно обращает внимание на эти различия и тем самым уточняет основу прежних реконструкций.

Главное достоинство главы – масштабная работа с полевой документацией. Сопоставление дневников, отчётов, описей, планов и публикаций выявило случаи неточной передачи контекста находок. Так, предметы из помещений I, II, VIII, XXII и других комплексов, позднее описанные как происходящие с пола или из-под пола, согласно проанализированным автором дневникам могли залегать выше этих уровней либо происходить из недифференцированных напластований. Такая проверка влияет на надёжность прежних датировок и составляет самостоятельный научный результат. Значимо и возвращение в научный оборот данных 1938 г. о юго-западной поле зольника II.

Проведённая работа убедительно показывает необходимость проверки опубликованных сведений по сохранившимся дневникам и описям. Выявленные расхождения не сводятся к редакционным неточностям, поскольку положение находки относительно пола или строительной конструкции

непосредственно определяет возможность её использования для датировки. Автор обоснованно разграничивает контексты строительства, использования, разрушения и засыпки помещений и показывает, что находки из заполнения или поздних очагов не могут автоматически датировать возведение стен. Убедительна и критика распространения датировок, полученных на ограниченных участках, на весь эллинистический квартал. Поэтому восстановление первоначальных контекстов следует признать одним из наиболее значимых результатов главы.

В то же время опровержение прежней датировки не всегда достаточно обосновывает новую. Следует заметить, что отсутствие материала середины III в. до н. э. под полами помещений II и XXII ставит под сомнение прежний *terminus post quem*, но вместе с тем не доказывает возведение построек на рубеже IV–III вв. до н. э. Расположение эллинистических стен над конструкциями классического времени также не исключает хронологического перерыва. Следовало бы яснее разграничивать доказанные выводы и гипотезы. Продолжение формирования зольника II во II в. до н. э. нуждается в опоре на ненарушенные контексты, поскольку поздний материал мог попасть в насыпь при перемещении грунта. Категории «запустение», «нивелировка» и «непрерывность жизни» требуют пространственного уточнения. Полезна была бы сводная таблица прежних датировок, их оснований и результатов проверки. Необходимость разграничения фактов и гипотез особенно существенна в тех случаях, когда пересмотр прежней схемы опирается на отсутствие определённой группы материала. Такое отсутствие может иметь хронологическое значение, но его доказательная сила зависит от полноты выборки, характера слоя и методики раскопок. Новые датировки выглядели бы убедительнее при сочетании отрицательных данных с положительными стратиграфическими и типологическими признаками. Замечу при этом, что высказанные носят рекомендательный характер и не умаляют значения проведённой автором архивной работы.

Во второй главе «Анализ стратиграфии и археологического материала» автор переходит от критики прежних исследований к самостоятельному анализу стратиграфии и массового материала. Чётко сформулированы четыре возможные модели образования напластований над застройкой участка И: естественный рост зольника, оползание его насыпи, сочетание этих процессов и целенаправленная нивелировка. Достоинство такой постановки вопроса состоит в возможности сопоставить несколько объяснительных моделей, не принимая заранее ни одну из них как единственно возможную. Автор стремится определить археологические признаки каждого сценария и проверить их на значительном массиве материала. Поэтому глава имеет не только конкретно-хронологическое, но и методическое значение, затрагивая проблему интерпретации сложных городских напластований.

Впечатляет и объём обработанного материала — более 150 тыс. находок, включая свыше 107 тыс. амфорных фрагментов. Сопоставление общего количества фрагментов, профильных частей, условно целых сосудов и клейм позволяет уменьшить влияние случайных колебаний отдельных категорий. Особенно важны анализ 239 клейм из зольника II и объединение документации раскопок 1938–2022 гг. в общей пространственной модели. Выявленная динамика амфорной тары —

сокращение доли гераклеийской продукции, смена групп синопских клейм и рост доли родосских амфор – позволяет предполагать, что формирование зольника продолжалось по меньшей мере до середины II в. до н. э. Важность этого вывода состоит в том, что он затрагивает не только датировку зольника, но и понимание последовательности использования прилегающей территории. Если его формирование продолжалось дольше, чем считалось ранее, уточнения требуют и отношения между насыпью, соседними помещениями и последующими преобразованиями участка. В этом отношении массовый амфорный материал существенно дополняет данные архитектурной стратиграфии.

Однако предложенные признаки не вполне надёжно разграничивают два разных процесса: естественное расползание зольника и преднамеренное перемещение его грунта. Прослойки, хронологические градиенты и обратная стратиграфия сами по себе не исключают антропогенного происхождения отложений. Для определения механизма их формирования желательно привлечь более подробные сведения о составе, структуре, происхождении и условиях формирования отложений: характер контактов между слоями, сортировку и ориентировку включений, следы деформаций, гранулометрию и микроморфологию грунта. Эти данные, позволили бы определить, как именно сформировались напластования: естественно распространились или сползли со зольника либо были намеренно перемещены человеком при нивелировке территории. Сходство грунта и состава находок убедительно указывает на вероятное происхождение части материала из зольника II, но не доказывает способ его перемещения; поэтому тезис об «установленной генетической связи» выглядит преувеличением, поскольку сходство состава отложений позволяет аргументировать источник происхождения грунта, но не всегда даёт возможность восстановить процесс его перемещения. Естественное сползание, постепенное распространение насыпи и её использование для подсыпки могли оставлять отчасти сходные археологические признаки. Окончательный выбор между этими вариантами должен опираться не только на распределение находок, но и на структуру и условия залегания отложений.

Статистическая методика требует более подробного описания. Центры производства определены у 4610 профильных частей, а основу детальной хронологии составляют 130 клейм; поэтому наряду с процентами совершенно необходимы данные об абсолютной численности отдельных групп и критериях их репрезентативности, равно как и оценка погрешности. Следует учитывать зависимость подсчёта от раздробленности сосудов и то, что дата производства амфоры не тождественна времени формирования слоя. Очевидно, что сравнение насыщенности участков по числу клейм на площадь может служить лишь предварительным показателем: корректнее рассчитывать находки на объём грунта и учитывать при этом различия в методике раскопок и регистрации. Особенно важно обеспечить сопоставимость выборок разных лет. Различия в способах разбора слоя, отбора материала, его хранения и первичной регистрации, по всей вероятности, могли влиять на количественное соотношение отдельных категорий. Приведение абсолютных величин наряду с процентными показателями позволило бы оценить устойчивость выявленных тенденций и уменьшить влияние случайных колебаний в небольших выборках.

Не вполне ясен и используемый автором принцип выделения «хронологических горизонтов». Стратиграфические единицы следует определять независимо от вещевого материала, а затем датировать, иначе возникает опасность логического круга. Требуется также обозначить точность пространственной привязки 3D-модели и границы, в которых полученные на отдельных участках результаты можно распространять на другие части памятника. Необходимо устранить противоречие в определении направления падения слоёв: в разделе 2.2 указано южное направление, в итоговой части – северное. В целом наиболее убедительными результатами главы являются уточнение продолжительности формирования зольника II и выявление связи его материалов с заполнением соседних помещений; конкретный механизм образования перекрывающих слоёв следует пока считать аргументированной рабочей гипотезой.

Третья глава «Пересмотр хронологии и планировки участка И: роль зольника II в трансформации системы застройки» – это объединение архивной документации, планов, стратиграфических наблюдений и результатов новых раскопок в динамическую пространственную модель. Автор убедительно показывает, что объединение помещений в домовладения нередко производилось без достаточного учёта одновременности стен, характера их примыкания и наличия проходов. Значимы разграничение зон с застройкой классического, эллинистического и римского времени, а также уточнение периодов существования винодельни М-4 и ряда помещений.

Оригинальна авторская интерпретация зольника II как фактора преобразования городской среды, влиявшего на устройство подпорных стен, перекрытие проходов и строительную активность. Вместе с тем необходимо чётче отделять наблюдаемые факты – примыкание кладок, перекрытие стен, блокировку проёмов, положение полов – от реконструкций назначения помещений и причин перестроек. Так, например, стена 18 с контрфорсами могла служить не только для сохранения выхода из помещения VIII, но и для укрепления террасы. Противосейсмическое назначение стены 30 без конструктивных аналогий остаётся гипотезой. Аргументацию усилила бы таблица строительных периодов со стратиграфическими отношениями, датирующим материалом и степенью надёжности атрибуций.

В целом глава вносит существенный вклад в изучение планировочной истории участка И. Предложенная реконструкция ценна тем, что застройка показана не как неизменный план, а как результат последовательных перестроек и изменений в использовании территории. При этом убедительность отдельных этапов зависит от полноты сохранившихся конструкций и надёжности их датировки. Систематическое указание степени достоверности каждой реконструкции сделало бы общую модель более строгой, не меняя её содержания.

В четвертой главе «Городская структура Мирмекия в IV–I вв. до н.э.: синхронизация данных по ключевым участкам» представлены данные синхронизации материалов участка И с данными периферийных участков ТС, М и Б. Её достоинством является выход за пределы одного раскопа и

попытка реконструировать развитие Мирмекия в целом. Убедительна характеристика четырёх горизонтов «западного» зольника на участке ТС. Распределение гераклейских, синопских и родосских амфор показывает, что хозяйственная активность в западном районе продолжалась в III – начале II в. до н. э. Значима и ревизия датировки оборонительных стен на участках М и Б: материалы V–IV вв. до н. э. из подстилающих слоёв определяют лишь *terminus post quem* и сами по себе не доказывают возведения укреплений на рубеже V–IV вв. до н. э. Сопоставление нескольких участков позволяет проверить, насколько локальная последовательность, установленная для участка И, отражает процессы на городище в целом. Это существенно расширяет значение исследования. Предложенная общая периодизация – восстановление после разрушений середины IV в. до н. э., пик активности в первой половине III в. до н. э., расширение зольников и перестройка центра в середине III – начале II в. до н. э., последующее сокращение строительной деятельности – создаёт содержательную модель развития городища. Интересна и реконструкция уличной сети, связывающая изменения планировки с ростом зольников, перестройкой кварталов и развитием фортификации.

Вместе с тем необходимо указать, что переход от отдельных раскопов к общей истории Мирмекия требует осторожности, поскольку полнота данных и точность хронологических определений для разных частей памятника неодинаковы. Так горизонты «западного» зольника выделены по сравнительно небольшому числу точно датированных клейм, а насыпь исследовалась в разные годы по различной методике. Необходимо пояснить принципы сведения документации и нормировать находки по объёму грунта. Выводы по участку М, основанные на анализе около 60 из более чем 160 клейм, пока следует считать предварительными. Расхождение дат монет и клейм требует статистического подтверждения и учёта переотложения. Материалы участка Б ставят под сомнение прежнюю датировку стены № 173, но не всегда позволяют точно её передатировать; связь перестройки укреплений с Митридатовыми войнами также остаётся гипотезой. В реконструкции уличной сети следует различать зафиксированные и предполагаемые трассы, а планировку определять как «нерегулярную». Используемое автором определение «хаотичная планировка» представляется неудачным, выглядит оценочным и создаёт впечатление полного отсутствия закономерностей, что, строго говоря, трудно доказать.

Заключение соответствует поставленным задачам и обобщает основные результаты: просмотр хронологии участка И, выделение этапов формирования двух зольников, уточнение датировки оборонительных сооружений и реконструкцию пространственного развития Мирмекия. При этом авторские формулировки о систематизации «всего корпуса источников», создании «объективной хронологической реконструкции» и доказанной эффективности методики следует смягчить, поскольку часть комплексов обработана выборочно, а некоторые выводы сохраняют гипотетический характер. При этом общая последовательность изложения результатов представляется логичной: выводы заключения соотносятся с задачами, поставленными во введении, и суммируют наблюдения отдельных глав. Более сдержанное обозначение степени надёжности реконструкций позволило

бы точнее показать, какие положения уже достаточно обоснованы материалами, а какие нуждаются в дальнейшей проверке.

Диссертация представляет собой самостоятельное, завершённое и научно значимое исследование. Её главными достоинствами являются масштаб источниковой базы, тщательная работа с архивной документацией, комплексное применение стратиграфических, типологических и статистических методов, а также критический пересмотр устоявшихся представлений о хронологии и городской топографии Мирмекия. Высказанные замечания касаются преимущественно степени категоричности отдельных выводов, обоснования статистических процедур и разграничения фактов и реконструкций. Они не умаляют научной ценности работы и не затрагивают её основных результатов. Исследование, несомненно, заслуживает скорейшей публикации в виде монографии. При этом хотелось бы надеяться, что при подготовке рукописи к печати автор примет во внимание высказанные в настоящем отзыве соображения и замечания.

Основные положения и результаты диссертации прошли необходимую апробацию: они были представлены в 12 докладах на научных конференциях и отражены в 18 научных статьях, пять из которых опубликованы в журналах, включённых в перечень ВАК.

Автореферат достаточно полно и точно передаёт содержание диссертации и отражает её структуру, основные положения и выводы.

Подводя итог, следует заключить, что диссертация, представленная на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 «Археология», является оригинальным и самостоятельным научным исследованием. По своему содержанию и научной значимости она соответствует специальности 5.6.3 «Археология», а также требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, установленным «Положением о присуждении учёных степеней». Автор диссертации Владимир Павлович Колосов заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 «Археология».

14.09.2026

Официальный оппонент: Стоянов Роман Владимирович, доцент Центра античной и восточной археологии Института классического Востока и античности факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики», кандидат исторических наук (07.00.06 — Археология).

105066, г. Москва, Старая Басманная ул., 21/4
Служебный телефон: +7 (495) 772-95-90, доб. 23471
<https://www.hse.ru/> fqn@hse.ru rstoyanov@hse.ru

